

ХОРОШИЙ НАЧАЛЬНИК

Источник: Пантелеймон Романов; Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (<http://belolibrary.imwerden.de>), 20 августа 2002.

В канцелярию одного из учреждений вошел человек в распахнутой шубе с каракулевым воротником и, посмотрев на склонившиеся над столом фигуры служащих, крикнул:

-- Здорово, ракалии!..

Все вздрогнули и сейчас же испуганно зашипели:

-- Тс! Тс!..

Вошедший с недоумением посмотрел на них.

-- В чем дело?

Два человека,-- один в синем костюмчике и коротеньких брючках, другой в коричневом френче, сидевшем складками около пуговиц на его полном животе,-- поднялись со своих мест и, подойдя к посетителю, поздоровались с ним и на цыпочках вывели его из канцелярии.

-- Пойдем отсюда.

У вошедшего был такой недоумевающий вид, что он даже ничего не нашелся сказать и послушно дал себя вывести.

Его провели по коридору и посадили на деревянный диванчик.

-- Вот теперь говори.

-- Вы что, обалдели, что ли?

-- Ничего не обалдели. Перемены большие,-- сказал толстый.-- Новый начальник.

-- Ну и что же?

-- Вот и то же, вот и сидишь на диванчике, из канцелярии тебя выставили,-- сказал тоненький в коротких брючках.

-- Да, кончилось наше блаженство,-- продолжал человек во френче.-- Мы теперь не свободные взрослые люди, а девицы из благородного института или, лучше сказать, поднадзорные, за которыми только и делают, что смотрят в оба глаза. Теперь о прежнем-то своем вспоминаем как об отце родном. Вот была жизнь! А как новый поступил, так и запищали.

-- Возмутительно! -- сказал служащий в коротеньких брючках и, оглянувшись на обе стороны коридора, сказал пониженным голосом:

-- Как поступил, так первое, что сделал -- распорядился, чтобы служащие по приходе расписывались...

-- Автографы очень любит...-- вставил толстый.

-- Да, автографы... а лист у швейцара лежит до десяти часов с четвертью. Как опоздал к этому сроку, так не считается, что на службе был. Что это, спрашивается, за отношение? Что мы -- взрослые граждане или дети, или, того хуже, жулики, которых нужно в каждом шаге учитывать и ловить? Дальше, если ты, положим, хочешь пойти, по делу службы даже, в город, то должен написать ему записку, по какому делу идешь, и должен представить результаты сделанного дела. Потом: в канцелярии никаких разговоров. Если пришли, положим, знакомые, вот вроде тебя, то никоим образом в канцелярии не разговаривать, а отправляйся в приемную и кончай разговор в одну минуту.

Человек в коротеньких брючках даже встал и, стоя против посетителя, сидевшего в своей шубе на диванчике, упер руки в бока и посмотрел на него, как бы ожидая, что тот скажет. Но не дождался и продолжал:

-- Доверия совершенно никакого к служащим! Если ты принесешь бумажку на подпись, так он ее раз десять прочтет, управдела позовет, спросит все основания, и тогда только подпишет. Все страшно возмущены. В особенности этими автографами и запрещением входить посторонним в канцелярию. Что мы, не такие же граждане, как он сам, не сознаем интересов государства? Ты подумай. Ведь это же оскорбительно, когда тебе на каждом шагу тычут в глаза, что ты жулик; если за тобой не смотреть, то ты со службы в город будешь бегать, вовремя на службу утром не приходить, в канцелярии разговоры с знакомыми разговаривать! Ведь мы же интеллигентные люди! К чему эти жандармские приемы?

-- Да, это не совсем приятно,-- сказал человек в шубе.

Он еще что-то хотел прибавить, но вдруг оба его собеседника толкнули его и, вскочив, стали